

Рец. на кн.: EUGENE RAIKHEL. GOVERNING HABITS: TREATING ALCOHOLISM IN THE POST-SOVIET CLINIC. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016. 248 p.

Анна Николаевна Алтухова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
aaltukhova@eu.spb.ru

Аннотация: Книга Евгения Райхеля посвящена постсоветской наркологии и подходам к лечению алкогольной зависимости. Автор, в течение значительного временного периода наблюдавший за различными клиниками в Петербурге, на страницах этой книги описывает характерные методики (например, «кодирование», «химзащиту», «подшивку», «12 шагов») и то, каким образом менялось их осмысление специалистами и пациентами после распада Советского Союза. Вычлняя и разбирая различные дискурсы, Райхель стремится показать, на чем основывались представления об «эффективности» лечения, благодаря каким агентам происходила легитимация одних методов по отношению к другим, как утверждалась экспертность или, наоборот, «шарлатанство» тех или иных практиков. Используя исторический и современный материал, автор пытается дать ответ на вопрос, как менялось значение центрального для книги понятия — «алкоголизма», а также как трансформировалось отношение к тем людям, которые «страдают» этим «недугом». В результате данная рамка становится для Евгения Райхеля поводом вступить в дискуссию с медицинскими экспертами и порассуждать о постсоветской агентности, зависимом или, наоборот, автономном положении пациентов, прибегающих к услугам наркологов в современной России.

Ключевые слова: алкоголизм, наркология, постсоветская медицина, медицинская антропология.

Для ссылок: Алтухова А. Рец. на кн.: Eugene Raikhel. Governing Habits: Treating Alcoholism in the Post-Soviet Clinic. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016. 248 p. // Антропологический форум. 2019. № 41. С. 147–160.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-147-160

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/altukhova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2019, NO. 41

A Review of EUGENE RAIKHEL, GOVERNING HABITS: TREATING ALCOHOLISM IN THE POST-SOVIET CLINIC. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016, 248 pp.

Anna Altukhova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
altukhova@eu.spb.ru

Abstract: The new book by Eugene Raikhel is devoted to post-Soviet narcology and various approaches to the clinical treatment of alcoholism in St Petersburg, such as “kodirovanie”, “khimzashchita”, “podshivka”, and “12 steps”. This book is based on materials from a long-term participant observation in numerous clinics and centers, along with conversations with different medical practitioners, experts and patients

the author met during his fieldwork. Using these materials, Raikhel describes the institutional changes in this sphere after the collapse of the Soviet Union, and seeks to answer the question why some methods were legitimized while others were marginalized, what underlay their “efficiency” or “failure”, and how medical experts explained it to their patients. The author offers an explanation of the ways according to which medical technologies and expert knowledge are circulated and transformed. This focus lets Raikhel enter into a discussion with medical experts concerning the post-Soviet patient’s agency in the case of modern Russian narcology.

Key words: alcoholism, narcology, post-Soviet healthcare, medical anthropology.

To cite: Altukhova A., ‘A Review of Eugene Raikhel, *Governing Habits: Treating Alcoholism in the Post-Soviet Clinic*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016, 248 pp.’, *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 41, pp. 147–160.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-147-160

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/altukhova.pdf>

Рец. на кн.: **Eugene Raikhel**. *Governing Habits: Treating Alcoholism in the Post-Soviet Clinic*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016. 248 p.

Книга Евгения Райхеля посвящена постсоветской наркологии и подходам к лечению алкогольной зависимости. Автор, в течение значительного временного периода наблюдавший за различными клиниками в Петербурге, на страницах этой книги описывает характерные методики (например, «кодирование», «химзащиту», «подшивку», «12 шагов») и то, каким образом менялось их осмысление специалистами и пациентами после распада Советского Союза. Вычленяя и разбирая различные дискурсы, Райхель стремится показать, на чем основывались представления об «эффективности» лечения, благодаря каким агентам происходила легитимация одних методов по отношению к другим, как утверждалась экспертность или, наоборот, «шарлатанство» тех или иных практиков. Используя исторический и современный материал, автор пытается дать ответ на вопрос, как менялось значение центрального для книги понятия — «алкоголизма», а также как трансформировалось отношение к тем людям, которые «страдают» этим «недугом». В результате данная рамка становится для Евгения Райхеля поводом вступить в дискуссию с медицинскими экспертами и порассуждать о постсоветской агентности, зависимом или, наоборот, автономном положении пациентов, прибегающих к услугам наркологов в современной России.

Ключевые слова: алкоголизм, наркология, постсоветская медицина, медицинская антропология.

Фрагменты рецензируемой книги Евгения Райхеля “*Governing Habits: Treating Alcoholism in the Post-Soviet Clinic*”, посвященной лечению алкоголизма в постсоветской России, уже появлялись в печати ранее [Raikhel 2010; Garriott, Raikhel 2015], в том числе и на русском языке [Райхель 2010]. В них шла речь о таких методах избавления от алкогольной зависимости, как «подшивка» и «кодирование», специфичных для советской модели реабилитации алкогольной зависимости. Однако в книге, вышедшей в 2016 г. в издательстве “Cornell University Press”, они дополнены историей наркологии в СССР, а также материалами о деятельности Общества анонимных алкоголиков в постсоветской России. Таким образом, книга претендует на исчерпывающее описание данной проблемы в современном российском контексте, хотя нужно учитывать, что Райхель разбирает преимущественно развитие наркологии в Санкт-Петербурге, что не может не накладывать ограничения на предлагаемые автором выводы.

Анна Николаевна Алтухова
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
aaltukhova@eu.spb.ru

Становление наркологии в постсоветском Петербурге становится поводом для Райхеля посмотреть на более масштабные трансформации, произошедшие в медицине после распада СССР, поговорить о том, какие терапевтические технологии стали в результате этого актуальными и как происходила их легитимация, каким образом изменялся взгляд на алкоголизм, что представляют собой взаимоотношения между врачами и пациентами в контексте меняющегося российского политического и социального порядка.

Материалом для исследования стали результаты полевой работы Райхеля в целом ряде государственных и коммерческих наркологических и психиатрических клиник, а также в реабилитационном центре «Дом надежды», где клиентам предлагались методы двенадцатиступенчатой терапии по американской модели Общества анонимных алкоголиков («двенадцать шагов»). Хотя Райхель зачастую не пишет о том, как долго проводилась полевая работа, что несколько озадачивает, он тем не менее много внимания уделяет проблеме входа в поле и позиции исследователя в нем.

Всякий раз, вводя в повествование новую локацию (клинику или центр), Райхель описывает мельчайшие подробности интерьера и экстерьера, которые ему попадаются по пути: бетонные лестницы, облупившиеся грязно-розовые стены и деревянные скамейки в темных коридорах соседствуют с дорогими современными кожаными креслами главных наркологов (Р. 171–172). Пространство больницы, в котором совмещаются многочисленные фактуры, представляет собой материальное воплощение соотношения социальных ролей врачей и пациентов, а также являет в определенном смысле продолжение самого метода, которым предполагается избавлять людей от зависимости. В центре основных способов лечения лежала задача «отвратить» пациента от алкоголя, и «отвращение» могло становиться частью самого пространства больницы, внушающего пациенту «страх» и другие неприятные чувства, подкрепляя его отказ от употребления спиртных напитков. Райхель отмечает это многообразие смыслов, раскрывающихся через один только анализ материальных аспектов. В результате пространство больницы оказывается для него подходящей призмой и одновременно метафорой для описания самой наркологической системы, в рамках которой сосуществуют разные виды учреждений, различные представления об алкоголизме и конкурирующие, но соседствующие формы экспертных знаний (Р. 55).

Однако появляющиеся в тексте фрагменты этнографического описания всякий раз служат Райхелю лишь интригующим

занавесом, который скрывает вовсе не разговор о практиках в постсоветской наркологии, а исследование дискурсов, их сопровождающих. При этом исследование посвящено в большей степени дискурсам наркологов и других специалистов, нежели их клиентов. Также стоит отметить, что среди пациентов, чьи голоса все же появляются на страницах книги, нет женщин. Райхель упоминает, что эта категория пациентов ему встречалась, но он не вводит ее в повествование и никак не комментирует свое решение. Это согласуется с замечанием ряда авторов об устойчивом невнимании исследователей к женской алкогольной зависимости [Hinote et al. 2009], что рассматриваемая книга, к сожалению, только подтверждает. Согласно логике этих авторов, исследователи следуют за культурными представлениями о «маскулинности» пьянства и «феминности» трезвости, вследствие чего женщины оказываются вне фокуса их внимания [Ibid.: 1254–1255].

Если минусом книги можно считать игнорирование определенных групп информантов и большее внимание к дискурсам, нежели к практикам, то ее достоинством является попытка автора избежать любого упрощения материала. Начинается монография со слов западных исследователей, медицинских работников, врачей и психологов, которые рассматривают методы советской и российской наркологии как архаические, поскольку в них отсутствует взгляд на пациента как самостоятельного, рационального и требующего уважения к себе субъекта (Р. 3–4). С этой идеей Райхель спорит на протяжении всей книги, помещая этот разговор в контекст недавних работ, раскрывающих феномен постсоветской субъектности, проникновения неолиберализма и вообще «западных» идей и системы властных отношений в постсоветскую Россию. В качестве примера можно привести рассуждение автора о таком методе избавления от зависимости, как кодирование. Райхель показывает, что эффективность или результат применения данного метода зависит от множества факторов, в частности от общего контекста жизни пациентов, их мотивации и интенсивности их надежды на обретение трезвости. Страх, который был основным «лечащим» элементом в системе советской принудительной наркологии, больше не обладает такой силой или же переосмысливается пациентами. Согласно Райхелю, приходящим в клинику людям присуще желание использовать свой страх для своего же исцеления, т.е. они интегрируют клинические технологии, основанные на внушении, в самодисциплину. В то же время их может не интересовать то, каким образом действуют препарат и сам метод, что отличает их от «неолиберальных» субъектов, заботящихся об «осознанности» лечения (Р. 145–146).

Мнение многих исследователей о том, что медицина в постсоциалистических государствах представляет собой нечто совсем иное, чем в «западном» мире [Rivkin-Fish 2005; Phillips 2010; Zigon 2010; Matza 2012], само по себе является для Райхеля материалом для анализа и интерпретации. Таким образом, предметом критики становятся не только дискурсы его информантов, но и уже сложившиеся исследовательские традиции, сквозь призму которых объясняются произошедшие события.

Книга состоит из пяти глав. Первая раскрывает тему «российского демографического кризиса» — концепции, оказавшейся ключевой для постсоветской наркологии. Вторая и третья главы реконструируют историю наркологической системы. Во второй главе Райхель рассматривает, как еще в советское время различные представления об употреблении алкоголя утверждались в качестве экспертных и как они влияли на формирование определенных институтов и на методы «лечения» и «борьбы» с «пьянством»¹. В третьей главе Райхель касается темы коммерциализации этой сферы после распада Советского Союза и тех трансформаций, которым подверглась государственная наркологическая система вследствие этого. В четвертой главе описываются те самые «архаические» методы лечения («подшивка», «кодирование»), а в пятой рассматривается доместикация западной терапевтической технологии «12 шагов» (программы Общества анонимных алкоголиков). В конечном итоге книга, как об этом пишет Райхель, должна дать ответ, каким образом, в результате использования каких дискурсов и каких больших нарративов те или иные методы «лечения» алкоголизма обретают или теряют «терапевтическую легитимность».

В целом исследование претендует на более масштабную задачу: последовательно разбирая дискуссии, связанные с алкоголизмом, в самых разных сферах, Райхель показывает, что сквозь призму одного этого явления можно рассказать всю историю трансформации социальных отношений, произошедшей в России после распада Советского Союза. Он демонстрирует, как дискурсивно оформлялась связь алкоголя с «кризисом маскулинности» (Р. 43–51), с идеей демографического кризиса и «гибели всей страны», с представлением об «исконно русском» стиле употребления спиртного («запой») и с концепцией западного оружия, предназначенного для «уничтожения российской нации» (Р. 33–43). Немаловажно также замечание о том, что подобные дискуссии приобретали дифференцирующую

¹ Книга позволяет читателю получить представление о том, как в исторической перспективе концептуализировались употребление спиртного (например, «пьянство») и методы, которые предлагалось использовать для его контроля (например, «лечение»), и какая риторика была характерна для разных социальных групп и авторов концептуализации.

щий потенциал. Со ссылкой на Уильяма Кокерхама Райхель показывает, что постепенно сформировался общественный дискурс, в рамках которого практики употребления спиртного разными категориями людей осмыслились по-разному. Так, люди с более высоким статусом с точки зрения врачей считались менее подверженным этой «болезни» и требовали других методов лечения [Cockerham 1999: 41].

Однако в рецензируемой монографии удивляет то, что автор зачастую не вписывает подобные дискурсы в более широкий контекст. Например, о схожих процессах в Англии в начале XX в. писала Марияна Валверде [Valverde 1997], но Райхель, знакомый с ее работами, не приводит не только кросскультурных сюжетов, но и сравнительного материала из других российских регионов, оставляя рассматриваемый им материал в некоторой изоляции. Например, почти вся третья глава и часть второй посвящены экономическим аспектам употребления спиртного и развитию наркологии в условиях стремительной коммерциализации. Без кросскультурного сопоставления (а в этом отношении крайне интересна была бы работа, например, Эми Боровой, посвященная группам помощи женам алкоголиков в Японии [Borovoу 2005]) российский кейс кажется «уникальным» и «эксклюзивным», что не вполне оправданно.

Кроме того, Райхель порой не проводит параллелей между интересующими его процессами и сходными событиями, происходившими в рамках советской культуры. Например, во второй главе он рассматривает становление советской наркологии в 1920-х гг. и описывает соперничество двух теоретических направлений — ленинградской и московской школ — за трактовку «алкоголизма». Если ленинградская школа гигиенистов, сложившаяся из многих учеников В.М. Бехтерева, рассматривала пьянство как социальное заболевание и возлагала ответственность за него на среду и государство, то московская взяла за основу подход, опирающийся на теорию условных рефлексов И.П. Павлова, и отстаивала позицию, согласно которой ответственность за употребление спиртного лежит исключительно на индивиде и процессах, происходящих в его теле. В то время как социальные гигиенисты ратовали за ресоциализацию алкоголиков в амбулаториях, сторонники подхода Павлова предлагали их лечить в психиатрических больницах¹ [Solomon 1989: 266].

¹ Райхель, к сожалению, лишь пунктирно обозначает позиции обеих групп и не приводит ни имен исследователей, работавших в рамках этих направлений, ни их работ, также он не показывает место этого противостояния в рамках становления всей системы здравоохранения. Подробно этот период развития наркологии освещен в работе Сьюзан Соломон, на которую Райхель в этом разделе ссылается [Solomon 1989]. Стоит обратить внимание, что в своей статье Соломон приводит

В дальнейшем позиция гигиенистов оказалась под запретом, поскольку их трактовка алкоголизма как социального заболевания возлагала ответственность на советское государство. Вследствие этого в наркологии постепенно утвердился физиологический подход, рассматривающий «пьянство» исключительно в терминах психической патологии, требующей медикаментозного лечения (Р. 59–64).

Ровно те же процессы происходили в конце 1920-х — 1930-х гг. во всех сферах психиатрии, а не только в наркологии. Так, в 1930-е гг. была ликвидирована педология, которая отстаивала позицию, что «трудное» поведение — следствие социальных условий, а не «дефекта», скрытого в ребенке. Педологические методы были отвергнуты, взамен них предлагалось обращать внимание на биологические факторы, «лечить» то, что поддается «лечению», и отдавать в сферу компетенций криминологии то, что ему не подлежало [Курек 2004; Келли 2008; Гальмарини 2015]. В результате постепенно медиализировалась вся сфера «трудного» и девиантного поведения и «отклонения от нормы», о чем из рецензируемой книги читатель не узнает.

Практически единственное отступление от темы алкоголизма Райхель совершает в сторону употребления наркотиков. Впрочем, хотя этот сюжет и встречается в тексте несколько раз, Райхель использует его довольно бегло и только лишь для того, чтобы продемонстрировать, как на дискурсивном уровне употребление алкоголя отделялось от употребления наркотиков. Если алкоголизм мог быть представлен в публичном дискурсе как вечная национальная трагедия, то употребление наркотиков в языке СМИ представлялось как новое чужеродное бедствие (Р. 29–36, 93).

Желая вписать разговор об алкогольной зависимости и институциональной истории наркологии в большие нарративы, характерные для того или иного времени, Райхель стремится показать специфику советской наркологии, однако, упуская из виду часть исторического контекста, он выставляет ее как нечто уникальное, с чем согласиться можно лишь отчасти.

примеры как московских, так и ленинградских работ, в которых алкоголизм рассматривался исключительно как следствие социальных обстоятельств. Разница московской и ленинградской школы, по ее мнению, состояла в отношении к специальным диспансерам: если представители ленинградской школы ратовали именно за них, то московские специалисты делали ставку на психиатрические больницы.

Нельзя не заметить также, что Райхель не дает и более широкого исторического комментария относительно данного разделения подходов и взглядов на причины и принципы лечения тех или иных «эпидемий». Карантинистский взгляд, видящий источник болезни в индивиде и требующий его изоляции, и гигиенистский, представляющий человека жертвой и ратующий за социальные реформы, были известны в России еще в середине XX в. [Пироговская 2018: 72, 74–75].

После распада Советского Союза и смены политических режимов «лечение» алкоголизма потеряло принудительный характер и стало личным делом каждого индивида. Поэтому по сравнению со всеми остальными областями психиатрии именно сфера избавления от алкогольной зависимости коммерциализировалась стремительнее других, на фоне чего государственная наркологическая система заметно теряла свою легитимность: люди, помнящие лечебно-трудовые профилактории и систему учета, отказывались от услуг государственных наркологов (Р. 75).

Эти перемены вызвали к жизни множество разных процессов, которым посвящена часть второй и третья главы книги. Одно из любопытных замечаний Райхеля касается того, что многие наркологи из государственных клиник говорили об утрате советской наркологической системы в ностальгическом ключе, и чаще всего это интерпретируется (к сожалению, Райхель не уточняет, кем именно) как «признаки настойчивых советских или авторитарных отношений власти или как остатки или отпечатки советской “политической культуры”» (Р. 75). Райхель не согласен с такой однозначной трактовкой и, как и в других случаях, предлагает взглянуть на явление по-иному. С его точки зрения, в этих высказываниях прослеживаются не ностальгия по советскому «контролю» и сожаление об утраченном авторитетном статусе врача, а кризис наркологии как области производства знания, потерявшей устоявшиеся способы легитимации.

Это рассуждение приводит Райхеля к рассмотрению тех методик избавления от алкогольной зависимости, которые он встретил в постсоветской России. Автор подробно останавливается на двух технологиях — «химзащите» и доместифицированной американской психотерапии, но также приводит материалы о некоторых других религиозных и эзотерических практиках. При этом Райхель в первую очередь обращается к дискурсам наркологов и исследователей, которые предпринимали попытки осмыслить постсоветскую действительность, но не к дискурсам пациентов. Любопытно, что, пытаясь оспорить взгляд многих западных исследователей на постсоветскую наркологию как преисполненную архаического пренебрежения к пациенту, Райхель практически не дает слова самим людям, проходящим лечение в различных клиниках. Зачастую представленные им портреты не позволяют убедительно услышать голос пациента. В спекулятивной статье Александра Эткинды и Ольги Чепурной, посвященной этой же теме, наоборот, можно найти массу примеров собственных высказываний пациентов, которые хоть и никак не интерпретируются авторами статьи, но убеждают читателя в том, что люди, оказавшиеся в поле наркологического

лечения, совершали самые разнообразные самостоятельные выборы и проявляли пациентскую агентность [Эткинд, Чепурная 2006]. К сожалению, Райхель этим пренебрегает.

Четвертая глава посвящена «химзащите». Советский Союз не был единственной страной, где использовали химические вещества, призванные вызвать «отвращение» у пациента и установить прочную связь между алкоголем и неприятными ощущениями. Но советская наркология, опираясь на физиологическую теорию Павлова, придала этому способу лечения алкогольной зависимости специфическую форму. Западная терапия основывалась на постоянном вводе малых доз действующего вещества (дисульфирама), вызывающего «отвращение», что предполагало, что человек, соглашающийся на такое лечение, — сознательный пациент. И здесь Райхель делает любопытную отсылку к работам медицинского антрополога Джейми Сариса, который утверждал, что североамериканские пациенты воспринимают фармакологические препараты как технологию, которая делает возможной трансформацию «истинного я» [Saris 2008]. Это в корне отличается от принципов, на которых была построена советская наркология, взявшая за основу павловскую условно-рефлекторную модель поведения, не предполагавшую трансформацию «личности» (Р. 122–123).

В советской наркологии были распространены техники, основанные на практиках внушения, гипноза и во многом плацебо-терапии. Однако из книги Райхеля читатель так и не узнает подробностей, в отличие от, например, уже упоминавшейся статьи Чепурной и Эткинда, претендующей на антропологичность, в которой куда более детально описывается, каким образом создается необходимый эффект от лечения [Эткинд, Чепурная 2006]. Лишая рассказ о наркологии подробностей применения на практике разнообразных методов, Райхель многое теряет: во многом именно из-за этого в полной мере убедительного рассуждения о постсоветской субъектности и агентности не получается. Для Райхеля различие в технологиях и методах — это повод поговорить о культурных траекториях пациентов. Для него важнее разобрать те дискурсы, которые эти процедуры окружают, т.е., по сути, описать скорее не то, как плацебо-эффект действует на пациента, а то, как он создается и оправдывается врачами.

Например, Райхель приводит рассуждения наркологов о поколенческих различиях, исходя из которых те, кого они называют «советские люди», более внушаемы и проще поддаются терапии, основанной на «вере», чем более молодые пациенты (Р. 134). Одна из возможных интерпретаций заключается в том,

что врачи выставляют себя как «знающих» и таким образом поддерживают свою властную позицию. Но Райхель показывает, что все не так однозначно. «Вера» пациента оказывается «не возобновляемым ресурсом», а работа по легитимации своего метода терапии выходит далеко за пределы кабинета, где происходит сама процедура. После распада Советского Союза наркологам пришлось отстаивать свое место на рынке услуг, разрабатывая новые дискурсивные стратегии для легитимации своих методов, в частности обвиняя коллег в «шарлатанстве», «ненаучности» и «зомбировании» (Р. 135–140). Это одно из самых любопытных мест в книге — по ряду причин.

Во-первых, здесь Райхель демонстрирует, как внутри одного дискурсивного поля смешиваются элементы биомедицинской и «альтернативной» медицинской моделей, которые исследователи обычно противопоставляют друг другу (пример такого противопоставления см. в: [Brown, Rusinova 2002]). Впрочем, Райхель — не первый, кто говорит об этом, есть ряд других работ, посвященных подобному смешению (см., например: [Lindquist 2005]). Попытки наиболее успешно легитимизировать свой метод в глазах пациентов и занять выгодную рыночную позицию приводят к тому, что в риторике одних и тех же наркологов соединяются самые разные элементы. Наряду с подчеркнутой ученой степенью, «естественным» способом легитимации в русле биомедицинской модели может выставляться связь с «традиционными» методами и «окультизмом», с одной стороны, и определение собственного метода как психотерапии — с другой. Иначе говоря, специалисты в этой сфере действуют значительно шире тех строгих стратегий, которые выделяют исследователи, заключая практиков в рамки биомедицинской или «альтернативной» модели.

Во-вторых, Райхель демонстрирует, как вследствие политических, социальных и экономических причин врачи меняют свои дискурсивные стратегии, сохраняя при этом сам метод без изменений. Например, чтобы избежать обвинений в «зомбировании», наркологи стали делать акцент на важности мотивации, на том, что пациент сам «программирует» себя, а врач выступает только в роли посредника. Пациенты, во всяком случае некоторые из них, восприняли эту модель всерьез и стали рассматривать методы, предлагаемые наркологами, как «протезы для воли», т.е. интегрировали их в процесс самоконтроля. Это для Райхеля служит свидетельством того, что «советский» субъект, перекочевавший в постсоветскую Россию, представляет собой исследовательский миф. В пятой главе Райхель предпринимает попытку проделать подобную деконструкцию «неолиберального» субъекта, который выбирает агентность и психотерапию вместо «внушения».

На российской почве программа «12 шагов», основанная на самоидентификации человека как «больного» алкозависимостью, претерпела серьезные изменения. В частности, она включила элементы православного дискурса. Например, один из информантов Райхеля называл программу «12 шагов» «удивительной» психотерапией, в которой психотерапевт — это сам Бог (Р. 168–178). В отличие от пациентов, выбирающих «химзащиту» и получающих взамен некоторую автономию, от клиентов программы «12 шагов», с точки зрения Райхеля, в российском контексте требуется куда больший отказ от автономности, вплоть до почти религиозного обращения. В статье Марка Эллиота, посвященной православным реабилитационным центрам для алкоголиков, и вовсе утверждается, что вместо одной зависимости российские пациенты вынуждены приобрести другую — от Бога [Elliott 2014].

Однако в этом разделе, как и в других, на мой взгляд, не хватает кросскультурных примеров из «незападных» исследований, которые отменяли бы «исключительность» российского кейса. К примеру, то, каким образом психотерапия смешивается с гипнозом и религиозностью в Китае, описано в работе Ичена Рао [Raо 2015]. В его же работе, а также в уже упоминавшейся книге Эми Боровой [Borovoу 2005] демонстрируются трансформации «американской» психотерапии при попадании в «незападный» контекст.

В заключение скажу, что книга Райхеля представляет собой важный во многих отношениях труд, раскрывающий механизмы легитимации одних методик и дискредитации других, причем не только в рамках дискурсов информантов. Автор стремится разрушить бинарную схему, противопоставляющую *Ното советicus* и «неолиберального субъекта», отказаться от использования в научных работах по социальной истории и антропологии аналитических рамок, которые предлагают специалисты из других сфер, и в целом пересмотреть те устоявшиеся теоретические модели и готовые аналитические рамки, которые упрощают материалы исследований.

Библиография

- Гальмарини М.К. Морально дефективный, преступник или психически больной? Детские поведенческие девиации и советские дисциплинирующие практики: 1935–1957 // Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛЮ, 2015. С. 107–151.
- Келли К. Дети государства, 1935–1953 // Неприкосновенный запас. 2008. № 2. <<http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/kk5.html>>.
- Курек Н.С. История ликвидации педологии и психотехники. СПб.: Алетейя, 2004. 330 с.

- Пироговская М.М.* Миазмы, симптомы, улики: запахи между медицинской и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 392 с.
- Райхель Е.* Применение плацебо в постсоветском периоде: гносеология и значение в лечении алкоголизма в России. Ч. 1 // Неврологический вестник. 2010. Т. 42. № 3. С. 9–24.
- Эткинд А., Ченурная О.* Инструментализация смерти. Уроки антиалкогольной терапии // Отечественные записки. 2006. № 2 (29). <<http://www.strana-oz.ru/2006/2/instrumentalizaciya-smerti-uroki-antialkogolnoy-terapii>>.
- Borovoy A.* The Too-Good Wife: Alcohol, Codependency, and the Politics of Nurturance in Postwar Japan. Berkeley, CA: University of California Press, 2005. 256 p.
- Brown J.V., Rusinova N.L.* “Curing and Crippling”: Biomedical and Alternative Healing in Post-Soviet Russia // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2002. Vol. 583. No. 1. P. 160–172.
- Cockerham W.* Health and Social Change in Russia and Eastern Europe. N.Y.: Routledge, 1999. 300 p.
- Elliott M.R.* Church-Based Alcohol Rehabilitation in the Former Soviet Union // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe. 2014. Vol. 34. No. 1. P. 17–47.
- Garriott W., Raikhel E.* Addiction in the Making // Annual Review of Anthropology. 2015. Vol. 44. P. 477–491.
- Hinote B.P., Cockerham W.C., Abbott P.* The Specter of Post-Communism: Women and Alcohol in Eight Post-Soviet States // Social Science and Medicine. 2009. Vol. 68. No. 7. P. 1254–1262.
- Lindquist G.* Conjuring Hope: Magic and Healing in Contemporary Russia. N.Y.: Berghahn Books, 2005. 272 p.
- Matza T.* “Good Individualism”? Psychology, Ethics, and Neoliberalism in Postsocialist Russia // American Ethnologist. 2012. Vol. 39. No. 4. P. 804–818.
- Phillips S.D.* Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2010. 318 p.
- Raikhel E.* Post-Soviet Placebos: Epistemology and Authority in Russian Treatments for Alcoholism // Culture, Medicine, and Psychiatry. 2010. Vol. 34. No. 1. P. 132–168.
- Rao Y.* Coming of Age with Internet Addiction in China — An Ethnographic Study of Institutional Encounters and Subject Formation: MA Thesis / The Chinese University of Hong Kong. Pokfulam, Hong Kong, 2015. 184 p.
- Rivkin-Fish M.R.* Women’s Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2005. 272 p.
- Saris A.J.* An Uncertain Dominion: Irish Psychiatry, Methadone, and the Treatment of Opiate Abuse // Culture, Medicine, and Psychiatry. 2008. Vol. 32. No. 2. P. 259–277.

- Solomon S.G.* David and Goliath in Soviet Public Health: The Rivalry of Social Hygienists and Psychiatrists for Authority over the Bytovo Alcoholic // *Soviet Studies*. 1989. Vol. 41. No. 2. P. 254–275.
- Valverde M.* “Slavery from within”: The Invention of Alcoholism and the Question of Free Will // *Social History*. 1997. Vol. 22. No. 3. P. 251–268.
- Zigon J.* “HIV Is God’s Blessing”: Rehabilitating Morality in Neoliberal Russia. Berkeley, CA: University of California Press, 2010. 268 p.

A Review of Eugene Raikhel, *Governing Habits: Treating Alcoholism in the Post-Soviet Clinic*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016, 248 pp.

Anna Altukhova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
altukhova@eu.spb.ru

The new book by Eugene Raikhel is devoted to post-Soviet narcology and various approaches to the clinical treatment of alcoholism in St Petersburg, such as “kodirotanie”, “khimzashchita”, “podshivka”, and “12 steps”. This book is based on materials from a long-term participant observation in numerous clinics and centers, along with conversations with different medical practitioners, experts and patients the author met during his fieldwork. Using these materials, Raikhel describes the institutional changes in this sphere after the collapse of the Soviet Union, and seeks to answer the question why some methods were legitimized while others were marginalized, what underlay their “efficiency” or “failure”, and how medical experts explained it to their patients. The author offers an explanation of the ways according to which medical technologies and expert knowledge are circulated and transformed. This focus lets Raikhel enter into a discussion with medical experts concerning the post-Soviet patient’s agency in the case of modern Russian narcology.

Keywords: alcoholism, narcology, post-Soviet healthcare, medical anthropology.

References

- Borovoy A., *The Too-Good Wife: Alcohol, Codependency, and the Politics of Nurturance in Postwar Japan*. Berkeley, CA: University of California Press, 2005, 256 pp.

- Brown J. V., Rusinova N. L., “‘Curing and Crippling’: Biomedical and Alternative Healing in Post-Soviet Russia”, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2002, vol. 583, no. 1, pp. 160–172.
- Cockerham W., *Health and Social Change in Russia and Eastern Europe*. New York: Routledge, 1999, 300 pp.
- Elliott M. R., ‘Church-Based Alcohol Rehabilitation in the Former Soviet Union’, *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, 2014, vol. 34, no. 1, pp. 17–47.
- Etkind A., Chepurnaya O., ‘Instrumentalizatsiya smerti. Uroki antialkogolnoy terapii’ [The Instrumentalization of Death. Lessons of Anti-Alcohol Therapy], *Otechestvennye zapiski*, 2006, no. 2 (29). <<http://www.strana-oz.ru/2006/2/instrumentalizatsiya-smerti-uroki-antialkogolnoy-terapii>>. (In Russian).
- Galmarini M. C., ‘Moralno defektivnyy, prestupnik ili psikhicheski bolnoy? Detskie povedencheskie devyatsii i sovetskie distsipliniruyushchie praktiki: 1935–1957’ [The Morally Defective Child, Criminal or Mentally Ill? Children’s Deviant Behavior and Soviet Discipline Practices: 1935–1957], *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsialnoe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Projects of a Post-War School (1940s–1980s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, pp. 107–151. (In Russian).
- Garriott W., Raikhel E., ‘Addiction in the Making’, *Annual Review of Anthropology*, 2015, vol. 44, pp. 477–491.
- Hinote B. P., Cockerham W. C., Abbott P., ‘The Specter of Post-Communism: Women and Alcohol in Eight Post-Soviet States’, *Social Science and Medicine*, 2009, vol. 68, no. 7, pp. 1254–1262.
- Kelly C., ‘Children of the State, 1935–1953’, Kelly C., *Children’s World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale University Press, 2007, pp. 221–257.
- Kurek N. S., *Istoriya likvidatsii pedologii i psikhotehniki* [History of the Elimination of Pedology and Psychotechnics]. St Petersburg: Aleteiya, 2004, 330 pp. (In Russian).
- Lindquist G., *Conjuring Hope: Magic and Healing in Contemporary Russia*. New York: Berghahn Books, 2005, 272 pp.
- Matza T., “‘Good Individualism’? Psychology, Ethics, and Neoliberalism in Postsocialist Russia”, *American Ethnologist*, 2012, vol. 39, no. 4, pp. 804–818.
- Phillips S. D., *Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2010, 318 pp.
- Pirogovskaya M. M., *Miazmy, simptomyy, uliki: zapakhi mezhdru meditsinoy i moralyy v russkoy kulture vtoroy poloviny XIX veka* [Miasmata, Symptoms, and Evidence: Smells in Russian Culture, 1850–1900s: Between Medicine and Morals]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2018, 392 pp. (In Russian).
- Rao Y., *Coming of Age with Internet Addiction in China — An Ethnographic Study of Institutional Encounters and Subject Formation*: MA Thesis,

- The Chinese University of Hong Kong. Pokfulam, Hong Kong, 2015, 184 pp.
- Raikhel E., 'Post-Soviet Placebos: Epistemology and Authority in Russian Treatments for Alcoholism', *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 2010, vol. 34, no. 1, pp. 132–168.
- Raikhel E., 'Primenenie platsebo v postsovetskom periode: gnoseologiya i znachenie v lechenii alkogolizma v Rossii' [Placebo Usage in the Post-Soviet Period: Epistemology and Its Usage in Alcoholic Treatment in Russia], part 1, *Nevrologicheskiy vestnik*, 2010, vol. 42, no. 3, pp. 9–24. (In Russian).
- Rivkin-Fish M. R., *Women's Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2005, 272 pp.
- Saris A. J., 'An Uncertain Dominion: Irish Psychiatry, Methadone, and the Treatment of Opiate Abuse', *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 2008, vol. 32, no. 2, pp. 259–277.
- Solomon S. G., 'David and Goliath in Soviet Public Health: The Rivalry of Social Hygienists and Psychiatrists for Authority over the Bytovoi Alcoholic', *Soviet Studies*, 1989, vol. 41, no. 2, pp. 254–275.
- Valverde M., "'Slavery from within": The Invention of Alcoholism and the Question of Free Will', *Social History*, 1997, vol. 22, no. 3, pp. 251–268.
- Zigon J., *"HIV Is God's Blessing": Rehabilitating Morality in Neoliberal Russia*. Berkeley, CA: University of California Press, 2010, 268 pp.